

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

[Предыдущие части](#)

Продолжение

Вот уж поистине: кому война, а кому мать родна. «По-крупному» брали те, кто имел доступ к финансам и материальным ценностям. Ограничусь упоминанием фамилий и дел только тех граждан, в отношении которых возбужденные уголовные дела получили судебное завершение.

Председатель Козыревского рыбкоопа Я. Прокопьев в тандеме с заведующим местной пошивочной мастерской И. Хлыбовым присвоили все ценности, хранившиеся в мастерской. А саму мастерскую, опечатав, попытались сдать под охрану военным, которые, однако, решили проверить, что им отдают на сохранение. В результате любопытство военных обернулось тем, что у Прокопьева изъяли товаров на 22 245 рублей, а у Хлыбова – на 82 723...

Начальник Северо-Курильского отделения военторга Лобанов совместно с главным бухгалтером Селиным и кассиром Руденко незаконно присвоили 81 тысячу рублей. Не обделили они и супругу Лобанова, которая на поприще военной торговли никогда не трудилась. Ей достались 14 тысяч рублей, что составляло зарплату среднестатистического советского труженика за два года...

Заведующая магазином № 6 Северо-Курильского рыбкоопа Кузнецова присвоила выручку торговой точки в сумме 20 тысяч рублей. Часть денег предприимчивый завмаг потратила на приобретение пары золотых часов. Оставшиеся после покупки 14 299 рублей и купленные часы у Кузнецовой при аресте изъяли сотрудники военной прокуратуры.

Начальник Северо-Курильской конторы связи Г. Филиппов, вопреки неоднократным напоминаниям о том, что сейф с деньгами необходимо вскрыть в присутствии комиссии, «заглянул» в него самостоятельно и с добычей поспешил на отходящий пароход. В Корсакове у связиста милиционеры изъяли 103 тысячи рублей. Г. Филиппов похитил значительно больше, но к тому времени, когда его арестовали, он успел во время морского путешествия изрядно проиграться в карты.

Лейтенант М. Ланчук и его супруга, трудившаяся в Северо-Курильском рыбкоопе, похитили из магазина кожаное меховое пальто, меховую шубу, 29 дамских сорочек, 19 флаконов одеколона, шесть пар обуви и два куля муки. Жена старшего лейтенанта Лунтовского Наталья, продавец магазина военторга, похитила с прилавков родной торговой точки сотню наручных часов – один из главных предметов роскоши того времени.

В поселке Левашово заведующий рыболовной базой Ковалев вместе с местным

завмагом, забрав из магазина деньги и все ценные вещи, отбыли на пароходе «Уэлен» во Владивосток.

Кассир Северо-Курильского рыбкоопка Каширина действовала совместно с главным бухгалтером Головановым и водителем Альтерманом. Их добычей стали 85 тысяч рублей, хранившиеся в кассе.

Но похитить деньги, кожаные пальто, одеколон и баян было еще полдела. Ворованное требовалось еще и довести на материк – туда, где краденым добром можно было воспользоваться, что оказалось делом трудным. На пароходах, которые перевозили гражданское население в Приморье с остановкой на Сахалине, царило неприкрытое вымогательство или, выражаясь современным языком, жуткий рэкет.

Заместитель начальника управления охраны МГБ Южно-Сахалинской железной дороги и Сахалинского государственного морского пароходства подполковник госбезопасности Мартынов докладывал руководству о том, что в порту Корсаков при обработке пароходов «Уэлен», «Амдерма» и «Декабрист», прибывших с Северных Курил, «наблюдались в широких масштабах случаи мародерства и грабежей». Тон в этих разборках задавали люди с уголовным прошлым, которых в ходе советской колонизации освобожденных от японцев островов оказалось немало.

12 ноября сотрудники МГБ на пароходе «Амдерма» арестовали шесть бандитов, которые представлялись работниками милиции, но документов при себе не имели. В пути следования от Парамушира до Корсакова они отнимали у пассажиров продукты, спиртные напитки, вещи, учиняли пьяные драки. Подобные шайки действовали и на других пароходах. Зная об этом, сотрудники госбезопасности и милиции проверяли все суда, приходящие с Северных Курил. На пароходах выявляли мародеров и дебоширов. Но суда у берегов Сахалина стояли, как правило, недолго, и обезвредить всех преступников не всегда удавалось.

Для завершения этой работы – поимки преступников – из Южно-Сахалинска во Владивосток выехала оперативная группа во главе с заместителем начальника областного отдела БХСС подполковником Козыревым. Они вместе с приморскими коллегами изъяли у эвакуированных почти полтора миллиона рублей, законность происхождения которых их владельцы не смогли доказать. Были также конфискованы чеки кооперативных паев на 120 тысяч рублей, облигации госзаймов на 90 тысяч рублей

и различные товары на сумму 767 тысяч. Только на этом этапе сотрудники милиции возбудили 13 уголовных дел, по которым проходили 29 человек. Основная же масса беженцев, не имевших при себе ничего, кроме носильных вещей, сошла на берег беспрепятственно.

Итак, эвакуация для переживших беспощадное цунами завершилась. Поражают ее темпы и та организованность, с которыми вывозили с островов войска и население.

Эвакуация

Обращусь сразу же к цифрам, чтобы подчеркнуть масштабность задач и сжатость сроков, за которые с Парамушира, Шумшу, Онекотана и Алаида удалось вывезти гражданское население и войска.

Общее число эвакуированных составило 26 960 человек, из которых 8 760 человек приходилось на гражданское население. Военнослужащих вывезено с островов – 10 600 и членов их семей – 7 600 человек. И это громадное для того времени, для тех условий и транспортных средств количество эвакуированных вывезли с островов в основном с 7 по 11 ноября.

Эти данные взяты из докладной записки начальника УМГБ по Сахалинской области полковника Василия Матвеевича Смирнова министру госбезопасности СССР С.Д. Игнатьеву, которая датирована 31 декабря 1952 года.

В этом документе отмечается, что эвакуация проходила «без паники и жертв», называется и количество человеческих жизней, которые унесла стихия. Согласно данным Смирнова, на островах Шумшу, Парамушир и Онекотан погибли 1 988 человек, в том числе гражданского населения – 1 790, офицеров – 15, солдат и сержантов – 169, членов семей военнослужащих – 14.

Докладная записка не предназначалась для широкого круга читателей, а следовательно, цифры, содержащиеся в ней, едва ли были подвержены каким-то конъюнктурным корректировкам. Поэтому число жертв цунами на Курилах примерно на уровне двух тысяч человек следует признать наиболее достоверным.

Лишь незначительную часть населения островов вывозили авиацией. На самолеты грузили раненых и больных. Услугами авиации, конечно же, пользовались военные и гражданские руководители. Основное же количество эвакуированных с островов вывезли грузовые и пассажирские пароходы – всего почти сорок судов различного тоннажа. В их числе: «Уэлен», «Циклон», «Шторм», «Андерма», «Красногорск», «Декабрист», «Каширстрой», «Маяковский», «Норильск», «Корсаков», «Буран», «Хабаровск», «Анатолий Серов», «Азия», «Русь», «Рефрижератор-2», «Новгород» и другие.

Пограничников и членов их семей, общее число которых составило около 1 800 человек, в Петропавловск вывозили корабли и катера пограничного округа, катера и вспомогательные суда Камчатской военной флотилии. На полуостров Камчатка эвакуировали и расположенные на Северных Курилах подразделения 29-й воздушной армии. Их численность составила 1 568 военнослужащих и членов их семей.

Части 6-й пулеметно-артиллерийской дивизии подлежали эвакуации на Сахалин, гражданское население – в Приморье. Жителей Курил, вывезенных во Владивосток и бухту Находка, размещали в нескольких городах Приморского края – Ворошилове (ныне Уссурийск), Артеме, Спасске – в клубах, красных уголках предприятий, в бараках, жилых домах и домах отдыха. В документах указывается, что каждому эвакуированному предоставили отдельную кровать с матрасом и подушкой, две простыни, одеяло, полотенце, пару белья. Для курильчан организовали бесплатное трехразовое питание. Переселенцам демонстрировали кинофильмы, снабжали газетами и журналами.

По тем скудным временам, когда обыкновенное зимнее пальто на ватине с воротником из овчины считалось чуть ли не предметом роскоши, такие меры материального обеспечения представляются вполне достаточными.

В декабре 1952 и январе 1953 года приняты несколько правительственных решений,

направленных на восстановление разрушенных цунами и землетрясением населенных пунктов, предприятий. Предусматривались также выплаты материальных компенсаций, пенсий, другие меры социальной защиты населения Камчатки и Северных Курил, пострадавших от стихийного бедствия.

Конечно, компенсировать все последствия землетрясения и цунами было невозможно. Среди эвакуированных в Приморье оказались 52 ребенка, которые остались без отцов и матерей. Сирот направили в специальный детский дом с улучшенными условиями для воспитанников. Но очевидно, что и самые комфортные условия не смогли детям заменить потерю родителей.

Надо отметить, что население островов, встревоженное паническими слухами, охотно покидало Северные Курилы. Всякие задержки с эвакуацией вызывали дополнительную нервозность. Особенно негативно действовала на население первоочередная и экстренная эвакуация войск, которая проводилась в соответствии с приказом министра Вооруженных сил СССР.

Младший лейтенант Остапчук, оперуполномоченный Северо-Курильского РО МГБ, рассказал об эвакуации 9 ноября пограничной заставы «Шелехово», которая располагалась в одноименном поселке на охотоморской стороне Парамушира. Подразделение грузилось на военное гидрографическое судно. Далее предоставим слово самому Остапчуку: «Эвакуацией руководил начальник 1-го отделения штаба 109-го пограничного отряда майор Попов, которого я встретил на пирсе. На мой вопрос о причинах такой поспешности отъезда пограничников он мне ничего не ответил.

Примерно в 17 часов судно с пограничниками вышло из ковша и пошло в направлении Первого Курильского пролива.

Примерно в 18 часов я прошел на территорию заставы. Дверь помещения, в котором размещались пограничники, была забита гвоздями, а квартира начальника заставы – открыта. В ней оставалось много личных вещей – постели, одежда, обувь и прочее. Я собственноручно забил дверь и ушел. Потом на заставе начали мародерствовать. Граждане Бородин, Максименко, Наумов в пьяном состоянии попались на грабеже».

На складе пограничники оставили около пятидесяти наступательных гранат и такое же количество противотанковых, ящик сигнальных ракет, до полутысячи автоматных и винтовочных патронов. В том же хранилище находились запасы продовольствия, которого, с точки зрения Остапчука, хватило бы всей заставе на полгода. При этом следует заметить, что к моменту появления оперуполномоченного на складе значительную часть продуктов местные жители успели разнести по домам.

Провизия могла стать небольшой компенсацией за тот моральный и психологический урон, который нанесла населению Шелехова экстренная эвакуация заставы, о чем подробно рассказал в своей записке младший лейтенант Остапчук: «Население поселка до отъезда 9 ноября пограничников организовано готовилось к эвакуации. После отъезда заставы население взволновалось, люди начали требовать немедленной эвакуации. Открыто говорили о том, что если пограничники оставили Курильские острова, то Советской власти эта земля больше не нужна».

Двумя сутками позже – 11 ноября – началась эвакуация и гражданского населения поселка Шелехова. Она проводилась столь же экстренно, как и в других населенных пунктах. После 15 ноября на Северных Курилах осталось 227 человек гражданского населения и 703 военнослужащих.

Ближе к лету 1953 года такими же революционными методами и темпами власти начали проводить вторую послевоенную колонизацию островов. Принято считать, что населенные пункты на Северных Курилах после цунами исчезли. В реальности же поселки на Парамушире и Шумшу продолжали существовать в среднем до середины 1960-х годов. Они стали постепенно закрываться после того, как в водах вокруг островов исчезли огромные косяки сельди. Исчезла рыба – исчезла работа, поселки стали закрывать.

Впрочем, была категория людей, которые в трагические дни ноября 1952 года не стремились покинуть острова. В Северо-Курильске 9 ноября при прочесывании города комендантские подразделения Советской Армии обнаружили 15 человек, которые намеревались остаться на острове. Из поселка Океанский поступило сообщение о том, что значительная часть корейского населения, кроме грабежей, занималась приобретением огнестрельного оружия. Затем с прибытием пароходов, которые предназначались для эвакуации гражданских жителей, они ушли в горы. Аналогичные ситуации фиксировались и в других населенных пунктах островов Шумшу и Парамушира.

Обычно эти факты, выбивающиеся из общей картины развития обстановки в рассказах о цунами и событиях, которые последовали за природной трагедией, не упоминаются, потому что о них то ли, не знают то ли не придают им особого значения. Но в контексте общей ситуации на Курилах этого периода они весьма красноречивы. В нашей исторической литературе почти не упоминается о так называемых японских партизанах, которые действовали на Курилах и Южном Сахалине в течение нескольких лет после того, как эти территории перешли под юрисдикцию Советского Союза.

Группы «народных мстителей» фиксировались и на Парамушире. Еще в середине 1950-х годов к борьбе с ними пограничники привлекали народных дружинников, хорошо знавших местность. Не к этим ли «народным мстителям» уходили корейцы, исчезнувшие в горах?

Во всяком случае, неизвестных людей с азиатскими чертами лица в глубинных районах Парамушира встречали и в 1953, и в 1954 годах. Здесь же бесследно исчезали граждане, которых дела или случай завели в горы.

В сентябре 1953 года, например, в районе вулкана Козыревского, на хорошо знакомой им местности пропали рабочие геологической партии А. Балугин и А. Провалов. А в следующем году приблизительно в этом же месте геологическая партия Г. Власова заметила четырех не то корейцев, не то японцев, которые поспешили скрыться. Здесь же геолог В. Никольский столкнулся с двумя азиатами, которые торопливо исчезли в зарослях ольхи.

Есть и еще один факт, который делает мое повествование более интригующим.

Станция радиоперехвата, расположенная на южной оконечности острова Шумшу в поселке Байково, 9 ноября в 16 часов запеленговала на частоте 110 мегагерц радиобмен двух передатчиков. Один находился далеко и едва прослушивался сквозь помехи. Второй работал где-то поблизости. Различалось даже прерывистое дыхание в микрофон неизвестного радиста. Разговор велся на английском и японском языках. Оператор нашей станции радиоперехвата, знавший на иностранном только «Хенде хох!», из переговоров ничего не понял, но о состоявшемся радиообмене немедленно доложил дежурному офицеру.

Тот подчиненному не поверил. Доказательств солдат предоставить не мог. О существовании такого чуда техники, как магнитофон, в те годы знали еще немногие, а видели его вообще единицы, поэтому записать радиообмен оператор не мог. Офицер, немного поразмыслив, все-таки решил проинформировать военную контрразведку. Там медлить не стали, а прислали на станцию радиоперехвата переводчика, хорошо знавшего японский язык и понимавший английский. Очередной радиообмен между неизвестными передатчиками состоялся в 21 час 30 минут. Тем же вечером в Москву ушла срочная телеграмма. В ней министра государственной безопасности СССР извещали о работающей, предположительно на острове Шумшу, агентурной радиостанции. К телеграмме прилагался текст перехваченного сообщения. Радист, либо уверенный, что среди творящейся на острове неразберихи и идущей полным ходом эвакуации никто не станет прослушивать эфир, либо потерявший из-за цунами кодовые таблицы, работал открытым текстом.

Он сообщал: «Вижу эвакуацию на Парамушире. Токио, Токио, я устал. Прошу прислать...». Далее переводчик не разобрал... Неизвестный передатчик еще несколько раз выходил в эфир. Сообщения ограничивались кратковременной передачей цифровых групп.

Саму радиостанцию найти не удалось. Обнаружили лишь место, с которого она предположительно работала...

Эвакуация населения и войск с Северных Курил, на мой взгляд, прошла просто образцово. Аналогов ей в современной мировой истории отыскать трудно.

Наверное, этот давний опыт сегодня следует изучать в учебных заведениях МЧС. Наши предшественники того достойны. Их стойкость, мужество и выдержка в час лишений вызывают восхищение. О неприятных исключениях я упоминал, но они для того и существуют, чтобы подтверждать правила.